

Глава 2. Притворная мудрость ради тысячи золотых

Цю Бодэн.

Эти два слова прозвучали, словно удар грома среди ясного неба.

Вести между двенадцатью материками Срединных земель распространялись медленно. Спроси жителей области Цин, кто сейчас глава школы Тайи, — большинство не ответило бы. Но имя «Цю Бодэн» было известно каждому.

А всё потому, что этот господин недавно поверг всех прочих чудаков и возглавил «Рейтинг главных повес Поднебесной»!

Он был учеником одного из патриархов школы Тайи, принятым незадолго до кончины мастера, и по статусу стоял выше нынешнего главы и старейшин. Молодые ученики школы Тайи должны были называть его «маленький предок-наставник». К счастью, школа Тайи, понимая, что сор из избы выносить не стоит, строго запретила распространять его портреты, тем самым сохранив остатки лица. Это, однако, лишь разожгло любопытство публики к этому известному, но невидимому повесе номер один. В народе ходили слухи, что он зеленолицый и клыкастый, о трёх головах и шести руках, с крыльями за спиной... В общем, фантазия бездельников не знала границ.

И вот сегодня легендарная личность сошла со страниц сплетен в реальный мир.

И оказался он не уродливым и не свирепым, а на удивление красивым.

Чёрные волосы были увенчаны золотой короной, но пряди у висков не были убраны, а свободно спадали назад, перехваченные алым узорчатым шёлком. Под короной крепились золотые полукольца, проходившие сквозь иссиня-чёрные волосы, а на лбу покачивалось украшение в виде павлиньего пера с тремя тонкими подвесками, и при ходьбе световые блики плясали у его бровей и глаз. Алое одеяние было сшито с широкими рукавами, открывавшими изящные запястья. В правой руке он держал меч, а левую, у самого основания кисти, обвивал тёмно-золотой браслет шириной в цунь.

Один его взгляд, полный дерзкого блеска, говорил о том, что этому человеку ничего не стоит перевернуть сами небеса.

В толпе словно туман рассеялся, и все вдруг поняли:

«Да, именно таким он и должен быть».

Только вот странно:

— Почему же он не назвался, когда пытался продать меч?

В противном случае, из уважения к школе Тайи, работник ломбарда не стал бы его так просто выгонять. Неужели он считал продажу меча унижительной?

Цю Бодэн, обладавший острым слухом, услышал это и вдруг осознал:

— А, так нужно было сначала представиться!

Толпа едва не лишилась чувств.

Впрочем, винить его одного было нельзя.

Во-первых, представляться от его имени всегда было обязанностью свиты. Если его не спрашивали напрямую, он никогда бы не подумал о том, чтобы первым делом трубить о своём происхождении. Во-вторых, хозяева и работники ломбардов, едва завидев ржавый меч в его руках, выставляли его за дверь, не давая и шанса назвать своё имя.

Новость о явлении повесы номер один передавалась из уст в уста, и к тому времени, как управляющий в синем привёл Цю Бодэна в поместье Лю, за ними уже тянулся длинный хвост любопытных. Вышедший встречать их господин Лю от изумления покрылся холодным потом.

Господин Лю был человеком проницательным, и, получив известие, он почувствовал, что дело пахнет жареным.

Этот человек называл себя маленьким предком-наставником школы Тайи. Неизвестно, самозванец ли он, но как осмелиться потребовать доказательств у, по слухам, первого повесы Поднебесной? Если это и впрямь он, то, оскорблённый недоверием, он может затаить обиду, и тогда жди беды! А если самозванец, выйдет большой скандал, и школа Тайи, чего доброго, ещё и разгневается.

К счастью, в доме был знатный гость, который узнал этого человека и согласился выйти вместе с господином Лю.

— Господин... господин Цзо.

Господин Лю, завидев приближающегося юношу, нервно обратился к толстяку рядом.

Толстяк привстал на цыпочки, бросил взгляд и тут же переменялся в лице.

— Он, он! Точно он!

Сказав это, он тут же юркнул обратно в дом, сокрушаясь про себя: «Какого чёрта он здесь делает? Неужели узнал, что это мой старик присудил ему первое место в рейтинге повес, и пришёл свести счёты? Всё, конец! Отец меня погубит!»

Пока толстяк, дрожа от страха, готовился бежать, господин Лю, получив подтверждение, с облегчённой душой поспешил навстречу, расплывшись в подобострастной улыбке, и пригласил гостя внутрь.

В главном зале поместья Лю находились трое.

Белобородый и белобровый даос из школы Сюаньцин, мускулистый прославленный заклинатель-одинокка и юный, но уже рассудительный гений из Павильона Гор и Морей. Когда Цю Бодэн вошёл, они стояли, раскланиваясь друг перед другом, и отчаянно отказывались от почётно́го места во главе стола:

— Даос Сюаньцин искусен в искусстве формаций, это место по праву ваше.

— Юный друг Лоу слишком скромн, кому не известно имя Лазурного меча Гор и Морей!

— Искусство брата Цзяна с саблей Хун редкость в этом мире...

Они слаженно делали вид, будто не замечают вошедшего.

Обычно, встречая кого-то из рейтинга повес, заклинатели, дорожащие своей репутацией, демонстративно выказывали презрение. Но на этот раз ситуация была иной: этот человек явился для изгнания нечисти вместе с ними, да и статус его был необычайно высок. Уйти, хлопнув дверью, было бы невежливо, поэтому они надеялись, что он сам проявит благоразумие и скромно встанет в стороне.

Однако объект их неприязни ничуть не смутился.

Он прошёл прямо между ними и без церемоний занял почётное место.

Трое мастеров...

В воздухе повисло неловкое молчание.

Господин Лю поспешил разрядить обстановку:

— Какие предметы понадобятся вам, господа заклинатели, для изгнания нечисти?

Трое мастеров, чьи лица переливались всеми оттенками от багрового до мертвенно-бледного, наконец отвели свои убийственные взгляды.

Даос попросил лишь киноварную кисть, бумагу и киноварь. Ученик Павильона Гор и Морей сказал, что у него есть свои магические артефакты, а Мастер сабли тоже ответил, что ему ничего не нужно. Господин Лю распорядился принести всё необходимое для даоса, а затем подошёл к Цю Бодэну и с широкой улыбкой спросил:

— Бессмертный господин Цю, а что может понадобиться вам? Я сделаю всё возможное, чтобы это достать.

На самом деле он и не думал, что этот маленький предок-наставник на что-то способен, и лишь хотел задобрить его, чтобы избежать неприятностей.

Белобровый даос, увидев это, не удержался от лёгкого фырканья.

«Бездельник изгоняет призраков? Какая нелепость!»

Но тут они услышали, как Цю Бодэн неторопливо начал перечислять:

— Одну серебряную рыбу-таймень, весом ровно в три цзиня, ни больше ни меньше, свежую. Потушить до мягкости, тщательно удалить все кости и приготовить на этом бульоне лапшу. Лапша должна быть из рисовой муки, раскатанная не менее двенадцати раз, с добавлением молодых грибов и нежных побегов бамбука. Подать всё это в бирюзовой чаше с тонким узором...

Остальные, ожидавшие услышать нечто «глубокомысленное», слушали с нарастающим недоумением.

Улыбка застыла на лице господина Лю.

— Пойдите, зачем вам всё это? — не выдержал Лоу Цзян, гений из Павильона Гор и Морей. Он был человеком академического склада и никогда не сталкивался с подобными методами. — Серебряная рыба-таймень, лапша, грибы, бамбук... я никогда не слышал, чтобы это использовали для изгнания злых духов.

Цю Бодэн взглянул на него с сочувствием, как на умственно отсталого, и терпеливо объяснил:

— Чтобы есть.

— Ты собираешься накормить призрака, чтобы он убрался? — холодно поинтересовался заклинатель-одиночка. — Неплохой метод, экономит силы.

— Конечно, это не для призрака.

Цю Бодэна обслуживали, и настроение его заметно улучшилось. Он даже не рассердился на колкости Лоу Цзяна и мечника.

— Я голоден. Разве можно изгонять нечисть на пустой желудок? Вы согласны, господин Лю?

Господин Лю обливался потом:

— Да, да, бессмертный господин Цю совершенно прав. Что-нибудь ещё?

— Ещё кувшин вина «Небесная роса»... впрочем, у тебя такого, скорее всего, нет. Подойдёт любое выдержанное вино, главное, чтобы было светлым и ароматным. И немного фруктов.

Область Цин была территорией Павильона Гор и Морей, который славился своими познаниями во всевозможных диковинках и сокровищах. Услышав название «Небесная роса», Лоу Цзян изменился в лице:

— Небесная роса? Это тот самый нектар, что образуется из духовной энергии, когда двухголовый дракон Куй соединяется с небом и землёй? Тот, что выпадает на вершине горы Бэйчэнь и не касается брэнной земли?

Цю Бодэн удивлённо взглянул на него:

— Кажется, да. Вкус у него лёгкий, вполне сносно.

Лоу Цзян...

«Небесная роса» помогала заклинателям постигать тайны неба и земли. Их Павильон Гор и Морей ежегодно, униженно кланяясь и отваливая огромные суммы, вымаливал у каменнолицых старцев из школы Тайи крошечный кувшинчик этого вина, который те выдавали с таким видом, будто подаяние нищим делают. А эти старцы, оказывается, позволяли этому бездельнику Цю Бодэну запросто переводить драгоценный нектар на выпивку? Да не больна ли вся школа Тайи?!

Точно больна!

Нет, об этом лучше не думать, а то кровью изойдёшь.

— Пожалуй, всё, — закончил Цю Бодэн, назвав ещё несколько блюд. Он целый день был на ногах и аппетита почти не было. — Сойдёт и так.

Господин Лю стоял, обливаясь потом с головы до ног.

Люди, толпившиеся у ворот поместья, не успели разойтись, как увидели, что управляющий в синем вихрем вылетел из ворот, а за ним, словно собаки с подожжёнными хвостами, высыпали все слуги. Не прошло и четверти часа, как весь город Фу забурлил, будто кипятилок в котле.

На длинных столах раскладывали серебряных рыб-тайменей, из клеток вытаскивали уток и кур.

— Эта на лян тяжелее!

— На пол-ляна легче!

— Тяжела, тяжела! Ой, ой, теперь слишком лёгкая!

Рыба-таймень, за чешуйку которой в обычный день пришлось бы выложить сотню лянов серебра, впервые в жизни удостоилась такого презрения. Десятки рыб яростно хлестали хвостами по столам.

С одной стороны выбирали рыбу, с другой — отбирали птицу. Тысячи перепуганных домашних птиц в бамбуковых клетках подняли оглушительный гвалт.

— Ему нужна чисто-белая!

— У этой перо с пятнышком!

Зеваки, разинув рты, смотрели на это безумие. Никто из них отродясь не видел ничего подобного.

Вот он, повеса номер один!

Наконец, повар, словно перед решающей битвой, расставил блюда и чаши в красный лаковый короб. Нянюшка, дрожа от волнения, вынесла его из кухни. В длинном коридоре короб перешёл в руки юной служанки, которая осторожно внесла его в зал. Господин Лю почтительно стоял рядом, наблюдая, как Цю Бодэн неторопливо омывает руки и, соблаговолив взять палочки, замер от напряжения, будто над его головой занесли меч.

— Неплохо.

Господин Лю почувствовал огромное облегчение.

Алый предок, орудуя палочками, придирчиво выбирал кусочки и сурово комментировал: это жестковато, то переварено. Слушая его, можно было подумать, что на столе не изысканные яства, а какая-то отравка, которой пытаются оскорбить его высочество.

Лоу Цзян отвернулся.

Он боялся, что если продолжит смотреть, то не выдержит, выхватит меч и избавит народ от этого бедствия.

А это могло бы спровоцировать войну между Павильоном Гор и Морей и школой Тайи.

— Праздность и лень, позор для благородного мужа, — с насмешкой бросил мастер сабли.

Лоу Цзян был полностью с ним согласен.

Меч Тайи, с тех пор как Цю Бодэн сорвал объявление, притворялся мёртвым и висел у него на поясе. Услышав сейчас завуалированную критику в адрес школы Тайи, он слегка задрожал — то ли от гнева, желая выскочить из ножен и проучить наглецов, то ли чтобы проучить самого Цю Бодэна. Последнее казалось более вероятным.

Цю Бодэн быстрым движением прижал меч рукой и невозмутимо продолжил выбирать съедобные кусочки.

— Какое расточительство времени и сил, какой позор для нашего сословия!

Даос, покачивая головой, повернулся к господину Лю и учтиво поклонился.

— Каково сейчас состояние вашей дочери? Прошу вас, господин, проводите нас к ней.

***

Чистая комната.

— Тень... в земле тень...

Юной госпоже Лю едва исполнилось шестнадцать. Одета в простую белую тунику с широкими рукавами, она сидела, растрёпанная и исхудавшая, съёжившись на высоком столе. Девушка дрожала, бормоча что-то бессвязное, и не отрывала взгляда от пола, словно боялась, что оттуда вот-вот что-то появится.

Стоило кому-то войти, как она начинала пронзительно кричать и в ужасе отползать назад,

впиваясь пальцами в дерево.

— А Жэнь, А Жэнь, это отец! Это я, отец! — господин Лю с мольбой посмотрел на троих заклинателей. — Господа, А Жэнь уже полмесяца в таком состоянии, никого не узнаёт. Умоляю вас, сделайте что-нибудь!

Даос нахмурился, его взгляд упал на белую тунику девушки.

— Ваша дочь — дева-жрица?

— Да, — ответил господин Лю.

Город Фу поклонялся священному дереву Фу, и специальное Ведомство городских оракулов отвечало за проведение ритуалов и поклонений. Девушек, избранных для служения городскому оракулу и ухода за древним деревом, называли «девами-жрицами». Когда родилась юная госпожа Лю, ветер принёс и опустил ей на лоб серебряный лист дерева Фу, что сочли знаком небесного предопределения.

— Ваша дочь покидала город? Может, она встретила дикого духа за его пределами?

— Что вы, даос, — горько усмехнулся господин Лю. — Дева-жрица не может покидать город до конца своих дней. А Жэнь чиста сердцем и помыслами, она никогда бы не сделала ничего подобного.

— Странно, очень странно, — даос нахмурился ещё сильнее. — Раз она дева-жрица и не покидала города, то находится под защитой древнего дерева Фу и не должна была стать жертвой злых духов. Что ж, позвольте мне сперва установить формацию земной ци.

Он растёр в порошок бумагу, смешал с киноварью и, обмакнув в эту смесь кисть, начал быстро и уверенно чертить круг на полу вокруг стола. Юная госпожа Лю, сидя на столе, молча и пристально наблюдала за ним. Когда последний штрих был завершён, даос обошёл стол, торопливо и чётко произнося Священный канон Золотого закона Высшей чистоты, и в конце, указав метёлкой из конского волоса, воскликнул:

— Откройся!

Руны, начертанные киноварью, глубоко впитались в пол и по приказу даоса вспыхнули ослепительным светом, подобно тысячам тонких мечей, пронзающих землю, чтобы пригвоздить любую нечисть. Комната озарилась ярким светом. Белая тень, подобно призраку, прорвалась сквозь световую преграду и, изогнув пальцы в когти, метнулась к лицу даоса.

Даос, повинувшись инстинкту, взмахнул метёлкой, намереваясь ударить тень.

— А Жэнь! Даос, пощадите!

Господин Лю потерял голову от страха.

Дзинь! — мастер сабли вовремя отбил удар.

Лоу Цзян шагнул вперёд и прижал ко лбу обезумевшей А Жэнь медное зеркало. Девушка закатила глаза и потеряла сознание, продолжая дрожать всем телом.

Лица всех троих помрачнели.

Уж лучше бы это был свирепый демон или злобный дух. После кровавой битвы они бы справились. Но нынешняя ситуация не позволяла действовать силой, что связывало им руки.

— Формация земной ци способна обнаружить тёмную энергию, — недоумевал даос. — Если бы в госпоже была тёмная энергия, формация бы её остановила.

Лоу Цзян убрал зеркало.

— Моё зеркало Лазурного императора способно различать дух и форму. Душа госпожи соответствует её телу, она не одержима.

Не призрак, не демон, так что же это?

Глядя на дрожащую без сознания девушку, все трое чувствовали себя в тупике.

— Что она делала перед тем, как это началось? — спросил мастер сабли.

— Молилась Божественному дереву Фу.

— Боюсь, что это дерево и есть причина, — небрежно бросил мастер сабли.

— Господин, будьте осторожны в словах! — господин Лю изменился в лице, забыв о благоговении перед заклинателями. — Священное дерево Фу днём и ночью защищает сто тысяч жителей нашего города! Не смейте его порочить!

Мечник сказал это необдуманно и, получив отпор от всегда такого учтивого господина Лю, почувствовал себя оскорблённым.

— Если ваше дерево такое чудотворное, почему оно не смогло защитить даже собственную

служительницу? Если уж дева-жрица стала одержимой, боюсь, ваш городской бог и сам одержим!

— Вы... вы!.. — господин Лю указывал на мечника, дрожа от гнева.

— А что? Дерево в роли бога — самое слабое божество, — усмехнулся тот.

— Дерево Фу защищало юную госпожу, иначе она была бы уже мертва.

Все обернулись на холодный голос, раздавшийся снаружи, как раз в тот момент, когда спор готов был перерасти в ссору.

Следом распахнулось окно, затянутое тонкой белой тканью.

Это был Цю Бодэн.

Он, видимо, уже закончил трапезу и прогуливался по заднему двору. Сейчас он стоял у окна, провёл рукой по деревянной раме и, подняв несколько тонких пластинок, показал их остальным.

Это были листья дерева Фу.

Ствол городского дерева Фу, которому было невесть сколько лет, занимал площадь в десять ли, а его крона, подобно облаку, туману или лёгкой вуали, раскинулась над высокими и низкими крышами домов. Листья, размером с монетку и тонкие, как серебряная фольга, при дуновении ветра переливались волнами снежных оттенков. Опадая, они кружились в воздухе, словно серебряные светлячки, летящие по улицам и переулкам.

Но листья в руке Цю Бодэна были тусклыми и безжизненными, словно исчерпали всю свою силу.

— Ветра нет.

Он поднял голову и посмотрел на ветвь дерева Фу, протянувшуюся во двор.

Ветра не было.

Но листья с ветвей продолжали падать.

Лёгкие и тонкие серебряные листья, словно бабочки, кружились в воздухе. Окно было открыто, и они влетали в комнату, опускаясь на девушку. Юная госпожа Лю, которая только что

дрожала, успокоилась, но серебряные листья на её плечах на глазах тускнели.

Господин Лю сначала опешил, а в следующую секунду рухнул на колени и, заливаясь слезами, принялся кланяться дереву во дворе:

— Благодарю тебя, Божественное дерево Фу, за защиту моей дочери! Благодарю тебя, Божественное дерево Фу!

Белобровый даос погладил свою метёлку, глядя на Цю Бодэна с некоторым удивлением.

Ветви дерева Фу нависали над небольшим прудом, и серебряные листья тихо шелестели.

Нежно и мягко.

— Древнее дерево Фу обладает духом.

Цю Бодэн опёрся рукой о подоконник и, легко перемахнув через него, оказался в комнате. Он с улыбкой посмотрел на мастера сабли.

— Похоже, тот, кто обходится без еды, не так уж и силен.

Лицо мастера сабли залилось краской.

— Тебе просто повезло!

— О-о-о, — протянул Цю Бодэн. — Я слышал, что на удачу любят ссылаться те, у кого нет настоящих способностей.

Мастер сабли едва не задохнулся от гнева.

— Кроме болтовни, ты хоть что-нибудь умеешь?

— Изгонять нечисть, конечно! — Цю Бодэн вскинул бровь, и украшение на его лбу сверкнуло.

— Похоже, вы все бессильны. Что ж, тогда эту тысячу лянов золота я заберу себе.

***

— Что?!

Толстяк, прятаясь в гостевой комнате, только что с облегчением услышал, что Цю Бодэн ни словом о нём не обмолвился, как вдруг его младший брат из Павильона сообщил, что тот собирается забрать тысячу лянов золота. От неожиданности толстяк поперхнулся вином.

— Да у него уровень совершенствования ниже моего! Я хотя бы на пике стадии Просветления сердца! — воскликнул он в изумлении.

— Это правда.

Лоу Цзян с каменным лицом вытер вино с лица.

«Пик стадии Просветления сердца или самое её начало — какая разница? Всё равно на дне. И вы ещё гордитесь тем, что вы предпоследний?»

Не повезло школе с таким молодым господином.

— Он велел господину Лю временно удалить всех из западного двора, попросил поставить в чистую комнату кровать и сказал, что к утру всё будет кончено.

— Кроватью изгонять демонов? Неужели он собрался проспать до утра, а потом обманом забрать у господина Лю золото?

Толстяк с подозрением посмотрел в сторону чистой комнаты.

— А этот парень ещё бессовестнее меня!

<http://bllate.org/book/16967/1580625>